

УДК 159.9.072.433
doi: 10.11621/vsp.2023.01.10

Научная статья

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ В ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ КАТЕГОРИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ЦЕННОСТЕЙ И ОБРАЗОВ РАЗНЫХ КУЛЬТУР

А.Г. Данилова

Всероссийский институт научной и технической информации Российской академии наук, Москва, Россия, a_g_danilova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3548-372X>

Актуальность. Растущий интерес к историческому развитию социальных систем требует оценки возможностей выполнения количественного сравнения психологических характеристик человека и общества различных эпох.

Цель. Выявить структуру социальных ценностей и характеристик актуальных образов по вербальным и визуальным текстам культур прошлого.

Методы. Для кодирования текстов использованы характеристики поведения, описывающие базовые культурные размерности Г. Хофстеде (Hofstede, 1980). Психосемантическая оценка восприятия произведений искусства проводилась с использованием шкалы, построенной на основе факторов 2-го порядка многоаспектной пятифакторной модели личности Five Factor Model (FFM) П. Коста, Р. МакКрэя (опросник NEO-PI-R в адаптации В.Е. Орла и соавт.) и шкалы восприятия образа человека в массовой коммуникации Л.В. Матвеевой и соавт.

Выборка. А) Античные греческие и римские тексты VII в. до н.э. — IV в., древнерусские тексты XI–XVII вв., византийские тексты V–XV вв. и тексты средневековой европейской культуры по XVII в. — всего 205 отдельных текстов. Б) Визуальный стимульный материал по культурам: Древняя Греция (VII–I вв. до н.э.); Древний Рим (VII в. до н.э. — IV в.); Византия (V–XV вв.); Россия (XI–XIX вв.); Европа (IX, XI–XVII вв.) оценивали 68 респондентов в возрасте от 14 до 70 лет.

Результаты. Анализ надежности и конфирматорный факторный анализ в целом подтвердили структуру пятифакторной модели личности и базовых размерностей культуры по Г. Хофстеде на материале исторических текстов и произведений искусства. Наименее устойчивы размерность «маскулинность» Хофстеде и фактор «открытость опыту» личностной модели. Эксплораторный факторный анализ данных по историческим текстам дал факторную структуру, отражающую отдельные аспекты размерностей

Хофстеде. В целом воспроизведены корреляции между личностными чертами и базовыми размерностями культуры, описанные Г. Хофстеде и Р. МакКрэем (Хофстеде, МакКрэй, 2010). Отличия в основном касаются фактора пятифакторной модели «экстраверсия». Обсуждаются особенности описанных в исторических нарративах социальных ситуаций, не фиксируемых характеристиками поведения, описывающими базовые размерности культуры по Хофстеде.

Выводы. Субразмерности современных моделей личности и культурных ценностей позволяют получить количественную оценку культур прошлого.

Практическое применение. Результаты могут быть использованы для разработки методики количественной оценки социокультурных ценностей в историко-психологических исследованиях.

Ключевые слова: историческая психология, психосемантика, культурные нормы и ценности, художественная коммуникация, образ человека, пятифакторная модель личности, контент-анализ, модель базовых культурных размерностей Г. Хофстеде.

Для цитирования: Данилова А.Г. Количественные методы в историко-психологическом исследовании категориальной структуры ценностей и образов разных культур // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2023. Т. 46, № 1. С. 221–246. doi: 10.11621/vsp.2023.01.10

doi: 10.11621/vsp.2023.01.10

Scientific Article

QUANTITATIVE METHODS IN THE HISTORICAL AND PSYCHOLOGICAL STUDY INTO THE CATEGORICAL STRUCTURE OF VALUES AND IMAGES IN DIFFERENT CULTURES

Anna G. Danilova

Russian Institute of Scientific and Technical Information of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, a_g_danilova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3548-372X>

Background. The growing interest in the historical development of social systems requires an assessment of the possibilities for a quantitative comparison of psychological characteristics in a person and society of different eras.

Objective. The study aims to reveal the structure of social values and features of contemporary images according to verbal and visual texts of the cultures in the past.

Methods. Behavior characteristics describing G. Hofstede's basic cultural dimensions (Hofstede, 1980) were used to encode texts. Psychosemantic assessment of the works of art perception was carried out with the use of a scale based on the multifaceted Five Factor Model of personality by P. Costa, R. McCrae (FFM; NEO-PI-R questionnaire adapted by V.E. Orel et al.) and the scale of individual image perception in media communication by L.V. Matveeva et al.

Sample. A) Ancient Greek and Roman texts of 7th c. BC — 4th c. AD, Old Russian texts of 11th–17th centuries, Byzantine texts of 5th–15th centuries and texts of medieval European culture according to the 17th c. — a total of 205 separate texts.

B) Visual stimulus material on cultures: Ancient Greece (7th–1st c. BC); Ancient Rome (7th c. BC — 4th c. AD); Byzantium (5th–15th cc.); Russia (11–19 cc.); Europe (9th, 11th–17th cc.) was assessed by respondents of different ages from 14 to 70 (N = 68).

Results. Reliability analysis and confirmatory factor analysis generally supported the structure of the five-factor model of personality and the basic dimensions of culture by G. Hofstede on the material of historical texts and works of art. The least stable dimensions are Hofstede's Masculinity and Openness to Experience factors of the personality model. An exploratory factorial analysis of data on historical texts yielded a factor structure reflecting specific aspects of Hofstede's dimensions. In general, the correlations between personality traits and basic cultural dimensions described by G. Hofstede and R. McCrae (Хофстеде, МакКрэй, 2010) are reproduced. The differences mainly relate to the FFM factor "Extraversion". The features of social situations described in historical narratives that are not fixed by the characteristics of behavior that describe the basic dimensions of culture according to Hofstede are discussed.

Conclusion. The subdimensions of modern models of personality and cultural values make it possible to obtain a fairly adequate quantitative assessment of the cultures of the past.

Practical application. The results can be used to develop a methodology for the quantitative assessment of socio-cultural values in historical and psychological research.

Keywords: historical psychology, psychosemantics, cultural norms and values, artistic communication, human image, five-factor personality model, content analysis, Hofstede's model of basic cultural dimensions.

For citation: Danilova, A.G. (2023). Quantitative methods in the historical and psychological study into the categorical structure of values and images in different cultures. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya [Lomonosov Psychology Journal], (46) 1, 221–246. doi: 10.11621/vsp.2023.01.10

Введение

Изучая ментальность людей прошлого по продуктам их деятельности, историческая психология в основном опирается на принципы понимания. В герменевтической парадигме разработан метод психолого-исторической реконструкции В.А. Кольцовой (Кольцова, 2004), опирающийся на структурно-циклическую процедуру проверки возникающих в ходе реконструкции гипотез. Исходя из принципов конструктивного подхода, В.Ф. Петренко предложил метод исторической психосемантики, предполагающий построение семантических пространств на основе тезаурусов исторических текстов, но также включающий возможность эмпатического вчувствования (Петренко, 2009; 2018). Отдельным направлением исследований является анализ существующих в современной культуре образов личностей и событий прошлого (Петренко, Митина, 2018; Емельянова, 2019; Журавлев, Китова, 2020; Liu et al., 2021).

Возможность объективного измерения при анализе исторических документов и нарративов зависит от наличия релевантной системы категорий. Одним из решений в выработке такой категориальной системы может быть опора на опыт культурной антропологии, где разработан подход, ориентированный на углубленное изучение одной культуры (etic-подход) и подход, направленный на сравнительное изучение различных культур (etic-подход). В рамках кросс-культурной психологии проводились, в частности, исследования межкультурной устойчивой структуры личностных черт (Л. Голдберг, П. Коста, Р. МакКрэй, Д. Пибоди, А.Г. Шмелев), и структуры ценностных ориентаций (М. Рокич, Г. Хофстеде, Р. Инглхарт, Ш. Шварц). Применение сравнительно-культурного подхода к документам одной культуры, относящимся к разным этапам ее развития, позволит выделить общие размерности и сопоставить психологические и социальные феномены разного времени. Удобным предметом такого исследования могут являться ценностные ориентации. Исследование ценностных ориентаций, декларируемых в текстах прошлого, с трактовкой данных как результатов самосообщений и наблюдения, технически выполнимо, хотя несет риски смещения на уровнях автора и исследователя.

Обширным источником знаний о прошлом является искусство, выступающее информационной моделью системных связей, возникающих в цивилизации на различных этапах ее развития (Рыжов, 2018). Препятствием в исследовании искусства является сложность

и слабая структурированность этой формы социальной рефлексии, охватывающей сознание и бессознательное творца и зрителя, провоцирующей порождение смыслов, а не фиксирующей их (Andrijauskas, 2022). Просмотр произведений искусства синтаксически и семантически отличается от наблюдения естественных сцен (Markey, Jakesch, Leder, 2019). Для исследования восприятия произведений искусства чаще всего используется метод психосемантики, сочетающий процедуры контролируемых ассоциаций и шкалирования. Метод позволяет выделение универсальных категорий (Ч. Осгуд), личностных конструкторов (Дж. Келли), категориальных систем целевых групп в определенных контекстах (прикладные исследования в области этнопсихологии, политической психологии, психологии массовых коммуникаций). Психосемантические исследования произведений искусства в основном сосредоточены на механизмах эмоционально-эстетического воздействия. Г. Айзенк выявил два независимых аспекта восприятия искусства — универсальный (t-фактор) и обусловленный личностными характеристиками и эрудицией зрителя (k-фактор) (Eysenck, 1942b, изложено по Myszkowski et al., 2016). Е.Ю. Артемьева показала связь между характеристиками восприятия архитектурного сооружения и историческим контекстом его создания (Артемьева, 2007). Эти открытия позволяют предположить возможность выделения объективной составляющей коммуникативного послания, заложенного в произведении искусства.

Для оценки влияния культурной среды исследователя выбрана etic-парадигма сравнительного кросс-культурного исследования с параллельным анализом вербальных и визуальных текстов нескольких культур. Исследование, основанное на категориальных структурах, полученных при изучении различных культур современного общества, будет валидно, если: структура социальных отношений в обществах прошлого подобна современному; тексты прошлого отражают их достаточно последовательно.

В качестве **предмета исследования** рассматривается структура социальных характеристик, отражаемых в вербальных и визуальных текстах прошлого.

Задачей исследования была оценка возможности применения современных моделей личности и ценностных ориентаций в изучении культур прошлого и воспроизводимости размерностей этих моделей на материале исторических текстов.

Методы

За основу исследования ценностных ориентаций выбрана модель базовых культурных размерностей Г. Хофстеде, обоснованная на выборке мирового уровня и доказательно отражающая ценностные ориентации обществ различного культурного генеза и уровня индустриального развития. Бихевиористски сформулированные описания поведения, характерного для высокого и низкого значения размерности (Hofstede, 1980), позволяют кодировать поведение героев нарративов, минимизируя интерпретацию.

Для исследования восприятия произведений искусства использован метод психосемантики. Предметом исследования выбраны устойчивые характеристики образа человека, для оценки которых существует парадигма пятифакторной модели личности FFM П. Коста, Р. МакКрэй, имеющая рассчитанные корреляции с размерностями Г. Хофстеде (Хофстеде, МакКрэй, 2010). В качестве шкал психосемантической методики использованы названия субшкал FFM по русскоязычной версии опросника NEO-PI-R (Costa, McCrae, 1995) в адаптации В.Е. Орла и соавт. (Орел, Рукавишников, Сенин, 1998). С целью триангуляции использована предложенная Л.В. Матвеевой психосемантическая шкала для оценки образа человека в массовой коммуникации, включающая образные социально значимые характеристики и разработанная на основе тезауруса личностных черт А.Г. Шмелева. Результаты исследования восприятия образа человека на экране с применением этой шкалы воспроизвели пятифакторную модель (Матвеева, Анিকেева, Мочалова, 2004).

Выборка

С целью достижения максимального разнообразия в анализ включены материалы разных культурных традиций, а именно: античные, греческие и римские тексты (произведения Плутарха, Евнапия, Евтропия, Секста Аврелия Виктора) и древнерусские тексты XI–XVII вв. (Плутарх, 1990; Римские историки 1997; Памятники литературы Древней Руси, 1978–1994). Иностранские источники анализировались по научным переводам. В дальнейшем база данных была пополнена текстами византийской и средневековой европейской культур по XVII в. (сайт «Восточная Литература»), и в общей сложности составила 205 отдельных текстов, давших 436 кейсов в формате «произведение×век×этническая культура».

Также составлен комплект визуального стимульного материала по культурам: Древняя Греция (VII– I вв. до н.э.); Древний Рим (VII в. до н.э. — IV в. н.э.); Византия (V–XV вв.); Россия (XI–XIX вв.); Европа (IX, XI–XVII вв.), — всего 46 презентаций в программе Power Point, каждая из которых представляла произведения одной культуры за один век и включала около 25 слайдов — итого 1165 слайдов. Датировки основаны на академических изданиях по истории русского и зарубежного искусства. Произведения искусства оценивали 68 респондентов в возрасте от 14 до 70 лет.

Описание хода исследования

А) Анализ текстов. Г. Хофстеде (Hofstede, 1980) привел описания поведения, характерного для высокого и низкого значения культурных измерений: «властная дистанция» (PDI; 13 критериев), «избегание неопределенности» (UAI; 20 критериев), «индивидуализм» (IDV; 10 критериев), «маскулинность» (MAS; 12 критериев). Эти описания были переведены на русский язык и использованы как критерии для кодирования поведения в рамках контент-анализа. Единицей исследования (строкой в матрице) являлся отдельный текст, датируемый с точностью до века, или фрагмент хроники, описывающий события за 100 лет. Единицей анализа текста являлось предложение. Соответствие описываемого поведения тому или иному полюсу критерия маркировалось. Формулировки поведения, данные Хофстеде, абстрагированы от оценочного контекста. Так, фразы: «Их Величество изволили гневаться» и «Тиран разбушевался» алгоритмизируются одинаково: «Лидер, резко противопоставленный субординантам, широко демонстрирует агрессию», то есть [PDI1+; UAI6+; UAI7+], где цифрой указан номер критерия. По каждому тексту подсчитывалось количество ситуаций, соответствующих высокому и низкому полюсу каждого из 55 критериев. В начале исследования по сырым данным по текстам Плутарха и русских летописей был рассчитан коэффициент корреляции Пирсона между полюсами критерия (Statistica.10; матрица 110×126). В 54 из 55 случаев получены значимые отрицательные корреляции ($p < 0,05$), что позволяет построить непротиворечивые двухполюсные шкалы. Сырые данные стандартизированы путем расчета в процентах отношения значения по положительному полюсу к сумме значений по обоим полюсам.

Б) Анализ восприятия произведений искусства. Для контроля влияния социальных факторов на восприятие образа человека параллельно использовались две шкалы. На основании русскоязыч-

ной адаптации опросника NEO-PI-R составлена 7-балльная шкала, отражающая наполнение факторов модели FFM («нейротизм» (neuroticism, N), «экстраверсия» (extraversion, E), «открытость опыту» (openness to experience, O), «сотрудничество» (agreeableness, A), «добросовестность» (conscientiousness, C). На базе шкалы оценки медиапродуктов составлена 7-балльная 20-пунктная шкала социально значимых характеристик (выключены политические определения). Обе шкалы представляют собой список личностных характеристик в форме бинарных оппозиций («умный — глупый»).

Респонденты получали инструкцию: «Вы увидите произведения искусства, созданные в одной и той же стране и в одно время. Оцените, пожалуйста, по предложенным характеристикам человека этого времени». Они просматривали стимульный материал по 5 презентаций в течение нескольких дней и после просмотра каждой презентации заполняли обе шкалы. Проанализированы 1054 протокола.

Результаты исследования

1. Воспроизводимость структуры теоретических конструкторов

Анализ надежности индексов Хофстеде (SPSS.19 / MODEL = ALPHA) показал коэффициент α Кронбаха (PDI) = 0,803; α (UAI) = 0,702; α (IDV) = 0,679; α (MAS) = 0,637. Таким образом, индекс PDI демонстрирует хорошую внутреннюю согласованность, индексы UAI и IDV приемлемую и индекс MAS — сомнительную.

Согласованность шкал психосемантической шкалы относительно факторов NEO-PI-R (36 испытуемых; SPSS.19 / MODEL = ALPHA) может быть оценена как приемлемая для шкалы «сотрудничество» ($\alpha = 0,780$), сомнительная для шкал «добросовестность» ($\alpha = 0,591$), «экстраверсия» ($\alpha = 0,561$), «нейротизм» ($\alpha = 0,547$) и малопригодная для шкалы «открытость опыту» ($\alpha = 0,417$). С исключением пунктов «мечтательный — практичный» (Fantasy) и «хулиган — паинька» (Actions) шкала «открытость опыту» повышает согласованность до $\alpha = 0,586$. С исключением пунктов «импульсивный — сдержанный» (Impulsiveness) и «враждебный — дружественный» (Hostility) шкала «нейротизм» достигает $\alpha = 0,614$. Без пункта «напористый — деликатный» (Assertiveness) шкала «экстраверсия» имеет $\alpha = 0,612$. Приведенные характеристики дают смещение при восприятии образа человека в контексте художественной коммуникации и могут служить ориентирами при оценке специфики восприятия образа чело-

века по произведениям искусства. О.В. Митина считает допустимой при диагностике динамичных характеристик, таких как мотивы или эмоции, $\alpha = 0,6$ (Митина, 2015). Чтобы не вносить неконтролируемых смещений, в анализ включены все пункты.

Конфирматорный факторный анализ (Statistica.10) по матрице античных и русских текстов с индексами Хофстеде в качестве латентных переменных и двухполюсными шкалами в качестве базовых переменных дал модель с базовыми статистиками: Discrepancy Function = 13,064; RMS Stand. Residual = 0,103; RMSEA = 0,071; GFI = 0,665. Таким образом, модель в целом воспроизводит факторы Хофстеде, хотя ее точность оставляет желать лучшего.

Конфирматорный факторный анализ результатов опроса 36 респондентов по 30-пунктной шкале, основанной на NEO-PI-R (773 протокола), направленный на воспроизведение размерностей пятифакторной модели дал модель с характеристиками: Discrepancy Function = 8,000; RMSEA = 0,170; RMS Stand. Residual = 0,206; GFI = 0,550. Таким образом, факторная структура восприятия образа человека по произведениям искусства существенно, хотя не принципиально, отличается от факторной структуры непосредственного восприятия.

Неточное воспроизведение теоретических размерностей подтверждает наличие смещений, которые могут лежать на нескольких уровнях: объективное отличие исторической культуры от современной; искажение в силу отбора сообщаемой информации (смещение автора); искажение в силу потери информации, обусловленной процедурой исследования (процедурное смещение); искажение в силу ошибки интерпретации (смещение реципиента). Анализ текстов допускает применение различных способов анализа, а смещения коллективной памяти носят культурный характер и могут быть информативны (Нечаева, 2020; Женин, 2021; Méndez et al., 2022). Устойчивость размерности свидетельствует о ее хорошей представленности в текстах прошлого и легкой считываемости реципиентом (единство культурной традиции), неустойчивость — либо о нарушении языка репрезентации, либо о существенных изменениях, произошедших в социальных нормах за прошедшее время.

2. Эксплораторный факторный анализ

А) Анализ текстов

Проведение эксплораторного анализа исторических текстов по критериям Хофстеде устойчиво дает около 15 факторов с соб-

ственным значением > 1 (Данилова, 2018). Размерность «властная дистанция» расщепляется на аспекты идеологии неравенства, нормы властного давления, властного конфликта; «избегание неопределенности» — на аспекты стресса, суперэго, норм демонстрации эмоций и агрессии, социальной неопределенности (отражающей потребность в одобрении) и когнитивной неопределенности (отражающей потребность в авторитетах); «индивидуализм» включает аспекты «Я-концепции», независимости, типа построения социальных связей; «маскулинность» распадается на гендерные нормы и ассертивность. Этот паттерн связан с различной динамикой субразмерностей во времени.

Факторизация данных по текстам античной, русской, византийской и европейской культур воспроизвела этот эффект. В анализ вошли: Греция (8 текстов за VII–I вв. до н.э., 29 кейсов), Рим (6 текстов за VII в. до н.э. — IV в. н.э., 69 кейсов), Византия (29 текстов за V–XV вв., 45 кейсов), Русь (84 текста за XI–XVII вв., 88 кейсов; прибавлены данные византийских хроник о славянах за VI–VIII вв., 9 кейсов); Англия (44 текста за V–XVII вв., 44 кейса), Италия (17 текстов за XIV–XVI вв., 17 кейсов), обобщенные данные по европейцам из византийских источников за VI–XV вв. (14 кейсов) и разрозненные данные по другим культурам, упомянутым в проанализированных текстах, — всего 436 кейсов (Плутарх, 1990; Римские историки, 1997; Тит Ливий, 1989–1993; Памятники литературы Древней Руси, 1978–1994; сайт «Восточная Литература»). Факторный анализ ($D = 2,209E -7$; КМО = 0,801; $\chi^2 = 0,871$; $df = 1485$; $p = 0,000$) с варимакс-вращением показал 16 факторов с собственным значением > 1 , объясняющих 59,102 % дисперсии (табл. 1).

Б) Анализ восприятия произведений искусства

Эксплораторный факторный анализ методом главных компонент с выделением факторов с собственным значением > 1 и последующим варимакс-вращением ($D = 1,22E -005$; КМО = 0,884), дал 6 факторов, совокупно объясняющих 56,748 % дисперсии.

При анализе по всей выборке по «Шкале оценки медиапродуктов» ($D = 0,003$; КМО = 0,874) получено 5 факторов (56,481 % дисперсии) (табл. 2).

Получены корреляции между образной и личностной факторными структурами, значимые на уровне $p = 0,01$ (Pearson 2-tailed): М 1 и F 1 ($r = 0,633$); М 3 и F 2 ($r = 0,514$); М 2 и F 5 ($r = -0,428$); М 4 и F 4 ($r = 0,422$).

Таблица 1

Факторная структура поведенческих норм и ценностных ориентаций
по результатам анализа текстов

Критерии базовых размерностей по Г. Хофстеде	Паттерны поведенческих норм и ценностных предписаний
UAI 19, UAI 20, UAI 16	1. Вера в экспертов, авторитет, поиск неколебимых истин
PDI 1, PDI 4, PDI 6	2. Порядок неравенства, независимость избранных, привилегии власти
UAI 5, UAI 4, MAS 4	3. Суперэго, настрой на тяжелую работу, значимое свершение
UAI 2, UAI 1, UAI 14	4. Стресс, неопределенность — угроза, безопасность
UAI 7, UAI 6	5. Широкая демонстрация агрессии и эмоций
IDV 6, IDV 7, IDV 5, IDV 2	6. Частная жизнь, автономия, лидерство, Я-сознание
PDI 12, PDI 11, PDI 5	7. Властный конфликт, недоверие субординантам, легитимность власти незначима
MAS 2, MAS 3	8. Четкость гендерных ролей, доминирование мужчин
PDI 8, PDI 9, PDI 7	9. Принудительная власть, ответственность на побежденном, могущественный образ власти
MAS 12, MAS 1, UAI 12	10. Женщина-лидер мужественна, мужчины напористы, молодежь вызывает подозрения
MAS 7	11. Идеал независимости
IDV 1	12. Забота о нуклеарной семье (vs защита со стороны клана)
MAS 9	13. Симпатии победителю (vs симпатии несчастливцам)
UAI 11	14. Национализм
IDV 8, MAS 10	15. Дружба на основании межличностных предпочтений, красиво изящное (vs дружба на основании престижности, красиво сильное)
UAI 3	16. Время — деньги

Table 1

Factor structure of behavioral norms and value orientations based on the results of texts analysis

Criteria for basic dimensions according to G. Hofstede	Patterns of behavioral norms and value prescriptions
UAI 19, UAI 20, UAI 16	1. Faith in experts, authority, search for unshakable truths
PDI 1, PDI 4, PDI 6	2. The order of inequality, the independence of the elected, the privileges of power
UAI 5, UAI 4, MAS 4	3. Superego, attitude to hard work, meaningful accomplishment
UAI 2, UAI 1, UAI 14	4. Stress, uncertainty as a threat, security
UAI 7, UAI 6	5. Wide display of aggression and emotions
IDV 6, IDV 7, IDV 5, IDV2	6. Privacy, autonomy, leadership, self-consciousness
PDI 12, PDI 11, PDI 5	7. Power conflict, distrust in subordinates, legitimacy of power is insignificant
MAS 2, MAS 3	8. Clarity of gender roles, male dominance
PDI 8, PDI 9, PDI 7	9. Coercive power, responsibility on the vanquished, powerful image of power
MAS 12, MAS 1, UAI 12	10. A female leader is «masculine», men are assertive, youth are suspicious
MAS 7	11. The ideal of independence
IDV 1	12. Caring for the nuclear family (vs clan protection)
MAS 9	13. Preference for the Winner (vs Sympathy for the Unlucky)
UAI 11	14. Nationalism
IDV 8, MAS 10	15. Friendship based on interpersonal preference, grace is beautiful (vs friendship based on prestige, strength is beautiful)
UAI 3	16. Time is money

Таким образом, в устойчивую факторную структуру восприятия художественного образа входят:

1) коммуникативный фактор, близкий фактору «сотрудничество», в пространстве образных характеристик распадающийся

Таблица 2

Факторная структура образа человека по произведениям искусства

Личностные характеристики (Субшкалы пятифакторной модели личности)	Образные характеристики Шкала оценки медиапродуктов
F1. сердечный E, дружелюбный N, чуткий A F2. бодрый N, креативный O, активный E, компетентный C F3. ищущий впечатлений E, эмоциональный O, общительный E F4. дисциплинированный C, ответственный C, осмотрительный C F5. рефлексирующий N, мечтательный O, унылый N F6. тревожный N, ранимый N	M1. добрый, душевный, близок к народу M2. сильный, твердый, независимый M3. выразительный, умный, убедительный M4. верующий, трудолюбивый, паинька, порядочный M5. бесхитростный, откровенный

Table 2

Factor structure of person image based on works of art

Personality characteristics (FFM Facets)	Characteristics of the image Media Product Rating Scale
F1. cordial E, friendly N, empathetic A F2. cheerful H, creative O, active E, competent C F3. experience seeker E, emotional O, outgoing E F4. disciplined C, responsible C, prudent C F5. reflective N, dreamy O, dull N F6. anxious N, vulnerable N	M1. kind, sincere, close to the people M2. strong, firm, independent M3. expressive, intelligent, persuasive M4. believer, hardworking, good boy, decent M5. unsophisticated, outspoken

на размерности *агрессивность* и *откровенность*. Так, «неагрессивная», но «скрытная» минойская культура (фрески Кносского дворца), «агрессивная», но «откровенная» Греция I в до н.э. (Лаокоон).

2) когнитивный фактор, составленный субшкалами разных факторов;

3) фактор силы, включающий руминативные аспекты фактора «нейротизм»;

4) фактор «добросовестность».

Следует отметить расслоение фактора «нейротизм» на тревожный и рефлексивно-руминативный аспекты. Так, «спокойная», но «руминативная» культура — Греция III в до н.э. («Демосфен» работы

Полиевкта), «неруминативная», но «тревожная» — Греция I в. до н.э. («Лаокоон»), Русь XIV в. (икона «Спас Ярое Око»).

3. Корреляции между факторными структурами поведенческих и образных характеристик

По обоим исследованиям в формате «культура*век» рассчитаны средние факторные значения и вычислены корреляции между факторами исследований текстов и произведений искусства (Pearson 2-tailed; $p = 0,01$). Наиболее сильные корреляции представлены в табл. 3.

Фактор 3 «*Суперэго...*» не дал корреляции с добросовестностью, а фактор 4 «*Стресс...*» — с нейротизмом. Напротив, фактор стресса положительно связан с высокой эмоциональностью образов; зависимость может объясняться ссылками в литературном нарративе на тревогу и поиск защиты: как правило, они возникают в описаниях военных нашествий, а искусство военизированных эпох призвано создавать энергичные, ассертивные образы. Фактор 5 «*Широкая демонстрация агрессии и эмоций*» не имеет значимых корреляций в факторных структурах по произведениям искусства. Следует заключить, что образные характеристики не могут использоваться в качестве прокси-переменных для оценки общего психологического состояния исследуемой эпохи.

Обсуждение результатов

Г. Хофстеде и Р. МакКрэй (Хофстеде, МакКрэй, 2010) получили устойчивые взаимосвязи между личностными чертами и базовыми размерностями культуры. Положительно коррелируют: экстраверсия и индивидуализм; добросовестность и властная дистанция; открытость и маскулинность. Отрицательные корреляции показали: экстраверсия и открытость — с властной дистанцией; сотрудничество — с маскулинностью и избеганием неопределенности.

Данные исторических нарративов и восприятия произведений визуальных искусств отразили некоторые, но не все описанные взаимосвязи.

Для фактора «экстраверсия» корреляция с индивидуализмом не получена.

«Экстраверсия» и «добросовестность» воспроизводят значимые корреляции с фактором властной дистанции «*Порядок неравенства, независимость избранных, привилегии власти*» ($-0,615$ и $0,662$, соответственно). Для другого аспекта PDI — имеющего оттенок насилия

Таблица 3

Наиболее сильные корреляции между поведенческими
и образными характеристиками

Характеристики поведения и ценностные ориентации (анализ текстов)	Образные характеристики (анализ произведений искусства)	Коэффициент корреляции Пирсона
<i>Фактор 1.</i> Вера в экспертов, авторитет, поиск неколебимых истин	<i>F 1.</i> Сердечный, дружелюбный, чуткий	0,663
	<i>M 4.</i> Верующий, трудолюбивый, пайнык, порядочный	0,663
<i>Фактор 2.</i> Порядок неравенства, независимость избранных, привилегии власти	<i>F 4.</i> Дисциплинированный, ответственный, осмотрительный	0,662
<i>Фактор 4.</i> Стресс, неопределенность-угроза, безопасность	<i>F 3.</i> Ищущий впечатлений, эмоциональный, общительный	0,45

Table 3

The most appropriate correlation between behavioral
and imaginative characteristics

Characteristics of behavior and value orientations (text analysis)	Characteristics of the image (analysis of artworks)	Pearson correlation coefficient
<i>Factor 1.</i> Belief in knowledge, authority, search for unshakable truths	<i>F 1</i> Cordial, friendly, empathetic	0.663
	<i>M 4</i> Believer, hardworking, good boy, decent	0.663
<i>Factor 2.</i> Order of inequality, independence of the elected, privileges of power	<i>F 4</i> Disciplined, responsible, prudent	0.662
<i>Factor 4.</i> Stress, uncertainty is a threat, security	<i>F 3</i> experience seeker, emotional, outgoing	0.45

фактора «Принудительная власть, ответственность на побежденном, могущественный образ власти» и «экстраверсия», и «добросовестность» дают корреляции, обратные ожидаемой (0,383 и -0,402, соответственно).

Для фактора «нейротизм» аспект «рефлексии» имеет значимую корреляцию с фактором «Вера в экспертов, авторитет, поиск неколебимых истин» (0,318), корреляция с маскулинностью отсутствует.

Аспект «тревожности» дает прямую корреляцию с фактором темпа «*Время — деньги*» (0,322).

Фактор «сотрудничество» имеет отрицательную корреляцию с факторами размерности UAI «*Стресс, неопределенность — угроза, безопасность*» (-0,328) и «*Национализм*» (-0,341), положительную — с фактором размерности PDI «*Вера в экспертов, авторитет, поиск неколебимых истин*» (0,663), что соответствует данным Г. Хофстеде и Р. МакКрэя.

Можно предположить, что рассогласование полученных результатов с теоретически предсказанными обусловлено смещениями, вызванными субъективными факторами, сопровождающими порождение или интерпретацию коммуникативного сообщения.

Наиболее значимой категорией при восприятии произведений искусства является эмоциональный и коммуникативный комфорт. Более приятной респондентам представляется культура близких к ним эпох (рис. 1). Привлекательность может усиливаться сознанием религиозной общности: искусство православного христианства оценивается существенно позитивнее.

С другой стороны, это может отражать объективную динамику развития европейского искусства в сторону эмпатии и социальной желательности. Бóльшая живость образов приписывается античному искусству, а воспринимаемая эмоциональность на протяжении Средних веков равномерно снижается, возможно, отражая ориентацию на сдержанность как норму межличностного общения (рис. 2). Можно ожидать, что оценка образа человека в произведениях искусства способна отразить объективные тенденции культурных норм.

Высокоавторитарные культуры создают социально желательные, но неглубокие («нерефлексирующие») и закрытые («избегающие впечатлений») образы. Ориентация на национализм, связанная с образами защищенности, характерна для времени войн, а ориентация на интернациональность и качество жизни, связанная с тревожностью и рефлексией, — для ситуаций мирных межэтнических контактов, требующих адаптации и усвоения новых правил. Низкоиндивидуалистичные культуры чаще дают образы силы и твердости, а высокоиндивидуалистичные — образы мягкие, зависимые. Потребность в индивидуальных дружеских связях отражается в дружественных и открытых художественных образах, а ориентация на ингруппу и поиск престижных связей связана со скрытностью/черствостью художественных образов.

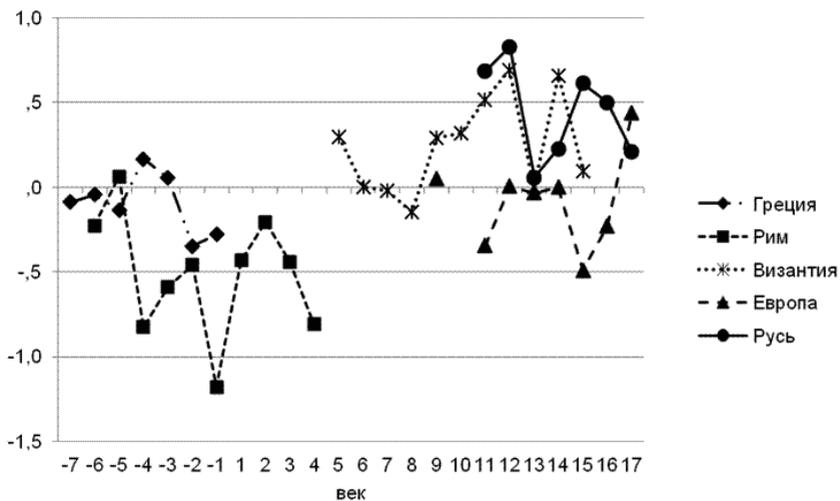

Рис. 1. Восприятие произведений искусства. Фактор М 1. «Добрый, душевный, близок к народу»

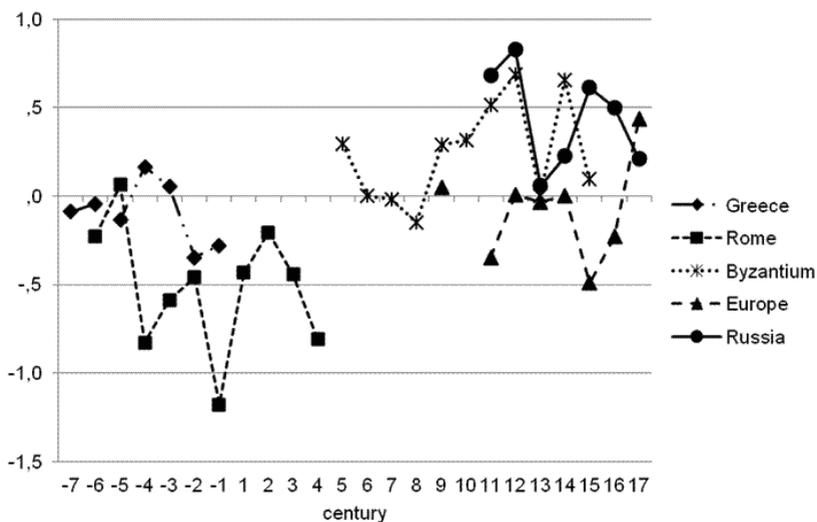

Fig. 1. Perception of artworks. Factor M 1. "Kind, sincere, close to the people"

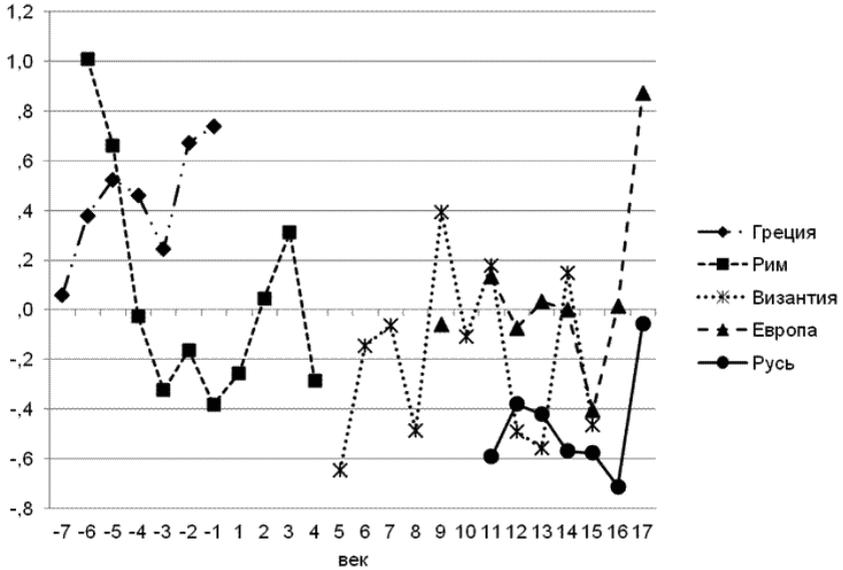

Рис. 2. Восприятие произведений искусства. Фактор F 3. «Ищущий впечатлений, эмоциональный, общительный (E)»

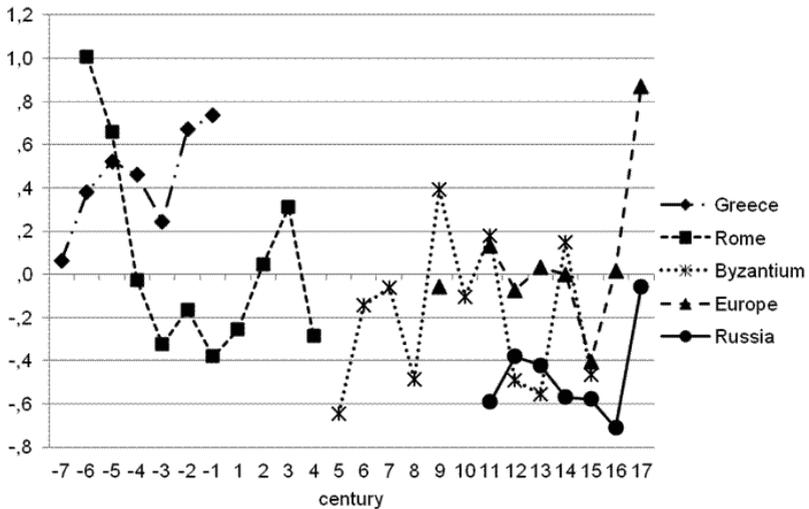

Fig. 2. Perception of artworks. Factor F 3. "Experience seeker, emotional, outgoing (E)"

Анализ вербальной продукции хорошо отражает этнокультурную специфику. Так, график значений Фактора 1 «Вера в экспертов, авторитет...» (рис. 3) демонстрирует устойчивую во времени культурную норму, в которой можно выделить две традиции: более «строгую»

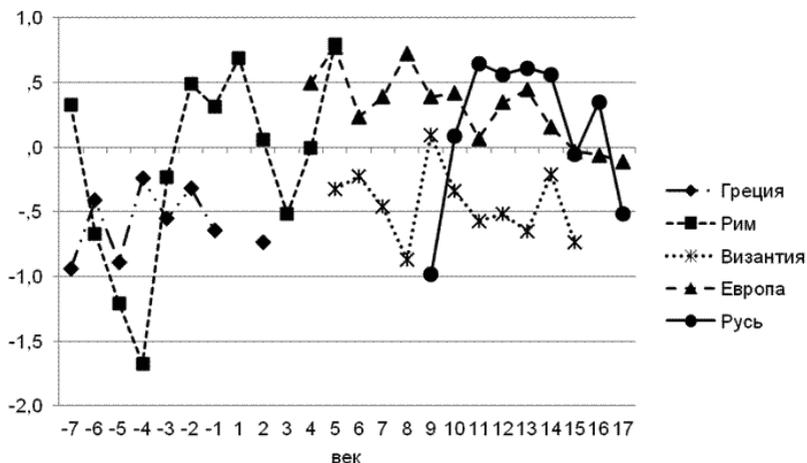

Рис. 3. Анализ текстов. Фактор 1. «Вера в экспертов, авторитет, поиск неколебимых истин»

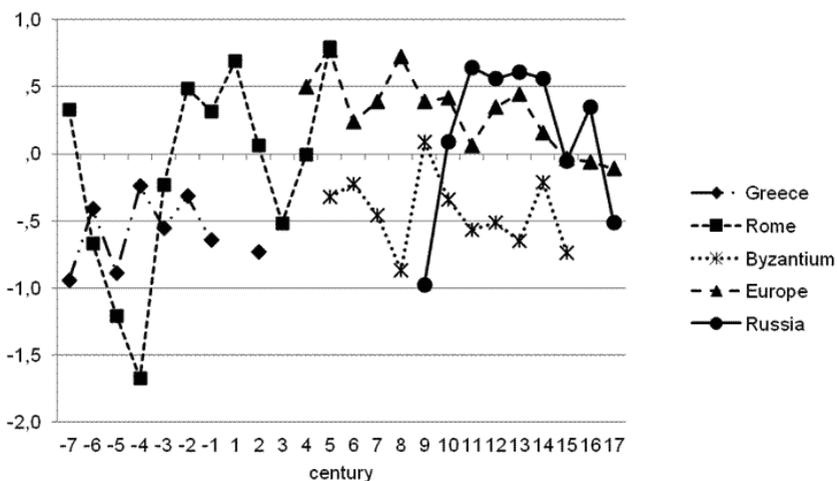

Fig. 3. Texts analysis. Factor 1. "Belief in knowledge, authority, search for unshakable truths"

латинскую, наследуемую от Рима средневековой Европой, и более независимую эллинистическую, присущую Греции и Византии.

Результаты количественного анализа показывают, что основные аспекты социальных отношений достаточно четко фиксируются в вербальных и визуальных культурных текстах и большей частью адекватно интерпретируются. При этом обработка текста при кодировке ведет к ряду упрощений (Данилова, 2017; Данилова, 2018).

Прежде всего, утрачиваются все намеки и нюансы смыслов, значимые для автора текста и читателей, принадлежащих к его культуре.

Если текст достаточно короткий или посвящен узкой теме, он не отражает всех аспектов поведения, заложенных в категориальную сетку.

Процедура кодирования позволяет рефлексировать смещения смыслов и отмечать ситуации, не вписывающиеся в категориальную сетку Хофстеде. В первую очередь это ситуации агрессии и неравенства, не конгруэнтные нормам современного общества. Сильные исторические изменения претерпели отношения, описываемые размерностью «маскулинность». Гендерная иерархия неодинаково проявляется в разных аспектах быта и права; зависимость женщины может проявляться в ее большей ценности — в ряде варварских «Правд» вира за обиду женщине больше, чем за обиду мужчине. Аспект ассертивности достижения, входящий в размерность «маскулинность», не во всем отражает особенности ситуаций свершения и самоутверждения в культурах прошлого. Показательна при анализе социального функционирования фиксация игрового поведения как культурного института по Й. Хейзинге и элемента межличностного взаимодействия по Э. Берну.

Эффективность использования произведений искусства в историко-психологическом исследовании зависит оттого, насколько возможно объективно измерить заложенное в визуальный текст психологическое содержание. Проблемой является вклад разноуровневых личностных факторов в совокупное впечатление от художественного продукта. Валидация проективных методик выявляет влияние личностных черт реципиента на его оценку эмоций изображаемого лица; так, существенную роль при восприятии мимики играют характеристики «сотрудничество» и «экстраверсия», а также черта «черствости/неэмоциональности» (Jenkins, 2017; Moore et al., 2019). Эти черты социально значимы; расхождение культурного предписания художника и зрителя нарушает восприятие коммуникативного по-

слания сообщения в анализе единичного произведения, но выявляет различие психологического состояния эпохи при обобщении.

Художественная продукция различных эпох неоднородна. Религиозное искусство сильнее подчинено канонам, чем светское. Вместе с тем канон не мешает художнику выразить значимые для него эмоции, так, византийские мастера XIV века наделяют образы святых спонтанной эмоциональностью. Смена психологического состояния эпохи лежит в основе возникновения нового художественного стиля.

Идею использовать динамику художественных стилей как показатель социальных изменений в разное время рассматривали Х. Тейн, Р. Арнхейм, Э. Панофски, О.А. Кривцун. Исследования восприятия произведений искусства различных эпох проводил К. Мартиндейл (Мартиндейл, 2007). Сильная социальная желательность образа человека в произведениях искусства делает психосемантический подход более пригодным для исследования в этом формате социальных ценностей, нежели эмоционально-личностных характеристик.

Следующим этапом в исследовании должно стать формирование самостоятельного списка критериев. Для оценки поведения людей прошлого по нарративам необходимо включение характеристик, предполагающих более широкий контекст функционирования гендерных ролей, описания более сложных структур и механизмов формальной и неформальной социальной иерархии, особенностей когнитивного функционирования, фиксацию нерациональных форм поведения как возможных элементов социальных игр. Важным аспектом сравнительного кросс-культурного исследования должно быть определение значимости выявленных универсальных размерностей для отдельной культуры, то есть их *emic*-валидизация. С целью контроля смещений возможно усложнение дизайна исследования, с включением, помимо оценки респондентами, отзывов о произведениях и эстетических суждений современников. Целесообразно дробление временной шкалы исследования до десятилетий и выделение отдельных социальных групп внутри одной культуры.

Практическое применение

Результаты исследования демонстрируют практическую применимость моделей личности и ценностных ориентаций в историко-психологическом сравнительном исследовании. Данные могут быть использованы при разработке количественной методики исследования обществ прошлого.

Выводы

Применение методов контент-анализа и психосемантики к произведениям литературы и визуальных искусств позволяет получить результаты, отражающие объективные соотношения между социальными ценностями и культурно значимыми характеристиками образа человека, а также проследить их динамику. Следует учитывать существенные отличия ситуации непосредственного восприятия человека / образа человека и восприятия образа человека как элемента художественного произведения в ситуации художественной коммуникации. Важной задачей остается анализ выраженности, направления и факторов смещений оценки образа человека в ситуации кросс-культурного диахронического художественного восприятия. Примененный подход не позволяет описывать специфические исторические формы поведения — ордалии, крестовые походы, модные увлечения, — но может дать многомерную общую характеристику социального поведения, на фоне которого возникают те или иные поведенческие феномены.

Литература

- Артемьева Е.Ю. Психология субъективной семантики. М.: ЛКИ, 2007.
- Восточная литература. Средневековые исторические источники Востока и Запада. Документы. Англия. Византия. Германия. Россия. Франция // 2001–2014. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty> (дата обращения: 22.09.2020).
- Данилова А.Г. Дисперсионный анализ в исследовании культурных текстов прошлого: исторические нарративы и произведения искусства // Вопросы психологии. 2017. № 5. С. 64–77.
- Данилова А.Г. Математическое моделирование культурно-исторических процессов по данным анализа культурных текстов // Психологический журнал. 2018. Т. 39, № 2. С. 90–104. doi: 10.7868/80205959218020095
- Емельянова Т.П. Коллективная память о событиях отечественной истории: социально-психологический подход. М.: Институт психологии РАН, 2019.
- Женин И.А. Исторические мифы и коллективная память в пространстве исследовательских практик // Шаги. Steps. 2021. Т. 7, № 1. С. 9–28.
- Журавлев А.Л., Китова Д.А. Социально-психологический анализ образа Петра I (по материалам Научной электронной библиотеки) // Психологический журнал. 2020. Т. 41, № 6. С. 57–68. doi: 10.31857/s020595920012589-3
- Кольцова В.А. Метод психолого-исторической реконструкции прошлого. Историческая психология: предмет, структура и методы / Под ред. А.А. Королева. М.: Изд-во МосГУ, 2004.

Мартиндейл К. Эволюция и конец искусства как гегелианская трагедия // Психология: журнал Высшей школы экономики, 2007. Т. 4, № 1. С. 111–119.

Матвеева Л.В., Аникеева Т.Я., Мочалова Ю.В. Психология телевизионной коммуникации: учеб. пособие для студентов фак. психологии вузов по направлению: 5210000 и 020400 — «Психология». М.: РИП-Холдинг, 2004.

Митина О.В. Альфа Кронбаха: когда и зачем ее считать. Современная психодиагностика России. Преодоление кризиса: сборник материалов III Всероссийской конференции по психологической диагностике, 8–11 сентября 2015: в 2 т. Т. 1 / Под ред. Н.А. Батурина. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2015.

Нечаева А.А. Нарративный анализ как метод исследования коллективной памяти // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2020. № 2 (21). С. 81–93. doi: 10.28995/2073-6401-2020-2-81-93

Орел В.Е., Рукавишников А.А., Сенин И.Г. Опыт адаптации методики диагностики личностных характеристик. Психологический пульс Ярославля: сборник / Под ред. В.В. Новикова. Ярославль, 1998.

Памятники литературы Древней Руси: в 12 т. / Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Понырко. М.: Художественная литература, 1978–1994.

Петренко В.Ф. Интуитивизм в исторической психологии // Историческая психология и социология истории. 2009. Т. 2, № 1. С. 28–44.

Петренко В.Ф. Конструирование истории // Методология и история психологии. 2018. № 1. С. 15–33 doi: 10.7868/s1819265318010028

Петренко В.Ф., Митина О.В. Политическая психология: психосемантический подход. М.; Челябинск: Социум, 2018.

Плутарх. Застольные беседы. Л.: Наука, 1990.

Римские историки IV века. М.: РОССПЭН, 1997.

Рыжов Б.Н. Психологический возраст цивилизации: XV век, раннее Возрождение // Системная психология и социология. 2018. № 2 (26). С. 59–68.

Тит Ливий. История Рима от основания города: в 3 т. М.: Наука, 1989–1993.

Хофстеде Г., МакКрэй Р.Р. Возвращаясь к обсуждению личности и культуры: связь личностных черт и культурных осей // Социологический журнал. 2010. № 4. С. 9–41.

Andrijauskas, A. (2022). The Sources of the Psychology of Art and Its Place among the Disciplines That Study Art and Creativity. *Arts*, 11, 96. (Retrieved from <http://doi.org/10.3390/arts11050096>) (review date: 22.09.2022).

Costa Jr, P.T., McCrae, R.R. (1995). Domains and facets: Hierarchical personality assessment using the Revised NEO Personality Inventory. *Journal of Personality Assessment*, 64 (1), 21–50.

Hofstede, G. (1980). *Culture's Consequences*. Beverly Hills, CA: Sage.

Jenkins, L. (2017). Does personality effect facial emotion recognition? A comparison between the older Ekman Emotion Hexagon Test and a newly created measure. *Madridge Journal of Neuroscience*, 1 (1), 38–46. doi: 10.18689/mjns-1000107

Liu, J., Zeineddine, F., Choi, S., Zhang, R., Vilar, R., Páez, D. (2021). Living historical memory: Associations with national identity, social dominance orientation,

and system justification in 40 countries. *Journal of Applied Research in Memory and Cognition*, 10 (1), 104–116. doi: 10.1016/j.jarmac.2020.09.007

Markey, P., Jakesch, M., Leder, H. (2019). Art looks different — Semantic and syntactic processing of paintings and associated neurophysiological brain responses. *Brain and Cognition*, 134, 58–66. doi: 10.1016/j.bandc.2019.05.008

Méndez, L., Cavalli, S., Pizarro, J., Telletxea, S., Castro-Abril, P., Padoan, S., Páez, D. (2022). The association between recall of historical events and well-being. *Revista de Psicología Social*, 37 (2), 309–333. doi: 10.1080/02134748.2022.2034291

Moore, A., Rappaport, L., Blair, R., Pine, D., Leibenluft, E., Brotman, M., Hettema, J., Roberson-Nay, R. (2019). Genetic underpinnings of callous-unemotional traits and emotion recognition in children, adolescents, and emerging adults. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, 60 (6), 638–645. doi: 10.1111/jcpp.13018

Myszkowski, N., Storme, M., Zenasni, F. (2016). Order in complexity: How Hans Eysenck brought differential psychology and aesthetics together. *Personality and Individual Differences*, 103, 156–162. doi: 10.1016/j.paid.2016.04.034

References

Andrijauskas, A. (2022). The Sources of the Psychology of Art and Its Place among the Disciplines That Study Art and Creativity. *Arts*, 11, 96. (Retrieved from <https://doi.org/10.3390/arts11050096>) (review date: 22.10.2022).

Artemyeva, E.Yu. (2007). Psychology of subjective semantics. M.: LKI. (In Russ.).

Costa Jr, P.T., McCrae, R.R. (1995). Domains and facets: Hierarchical personality assessment using the Revised NEO Personality Inventory. *Journal of Personality Assessment*, 64 (1), 21–50.

Danilova, A.G. (2017). Dispersion analysis in the study of cultural texts of the past: historical narratives and works of art. *Voprosy psikhologii (Questions of Psychology)*, 5, 64–77. (In Russ.).

Danilova, A.G. (2018). Mathematical modeling of cultural-historical processes according to the analysis of cultural texts. *Psikhologicheskij zhurnal (Psychological Journal)*, 39 (2), 90–104. doi: 10.7868/80205959218020095 (In Russ.).

Emelyanova, T.P. (2019). Collective memory of events in fatherland history: a socio-psychological approach. M.: Institut psikhologii RAN. (In Russ.).

Hofstede, G. (1980). *Culture's Consequences*. Beverly Hills, CA: Sage.

Hofstede, G., McCrae, R.R. (2010). Returning to the discussion of personality and culture: the relationship of personality traits and cultural. *Sotsiologicheskij zhurnal (Sociological Journal)*, 4, 9–41. (In Russ.).

Jenkins, L. (2017). Does personality effect facial emotion recognition? A comparison between the older Ekman Emotion Hexagon Test and a newly created measure. *Madridge Journal of Neuroscience*, 1 (1), 38–46. doi: 10.18689/mjns-1000107

Koltsova, V.A. (2004). A method of psychological reconstruction of the past. In A.A. Korolyov (Eds.), *Historical psychology: subject, structure and methods* (pp. 32–64). M.: Izd-vo MosGU. (In Russ.).

Liu, J., Zeineddine, F., Choi, S., Zhang, R., Vilar, R., Páez D. (2021). Living historical memory: Associations with national identity, social dominance orientation, and system justification in 40 countries. *Journal of Applied Research in Memory and Cognition*, 10 (1), 104–116. doi: 10.1016/j.jarmac.2020.09.007

Markey, P., Jakesch, M., Leder, H. (2019). Art looks different — Semantic and syntactic processing of paintings and associated neurophysiological brain responses. *Brain and Cognition*, 134, 58–66. doi: 10.1016/j.bandc.2019.05.008

Martindale, K. (2007). Evolution and the end of art as a Hegelian tragedy. *Psikhologiya: zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki (Psychology: Journal of the Higher School of Economics)*, 1 (4), 111–119. (In Russ.).

Matveeva, L.V., Anikeeva, T.Ya., Mochalova, Yu.V. (2004). Psychology of television communication: A textbook for university students of the psychology faculty in the direction “Psychology”, M.: RIP-Holding. (In Russ.).

Méndez, L., Cavalli, S., Pizarro, J., Telletxea, S., Castro-Abril, P., Padoan, S., Páez, D. (2022). The association between recall of historical events and well-being. *Revista de Psicologia Social*, 37 (2), 309–333. doi: 10.1080/02134748.2022.2034291

Mitina, O.V. (2015). Cronbach’s alpha: when and why to count it. In N.A. Baturin (Eds.), *Modern psychodiagnostics of Russia. Overcoming the crisis: collection of materials of the III All-Russian Conference, 8–11 September 2015, 1st ed.* (pp. 232–240). Chelyabinsk: Izdatel’skiy tsentr YuUrGU. (In Russ.).

Monuments of literature of Ancient Russia. (1978–1994). In 12 vols. In D.S. Likhachev, L.A. Dmitriev, A.A. Alekseev, N.V. Ponyrko (Eds.). M.: Khudozhestvennaya literatura. (In Russ.).

Moore, A., Rappaport, L., Blair, R., Pine, D., Leibenluft, E., Brotman, M., Hettema, J., Roberson-Nay, R. (2019). Genetic underpinnings of callous-unemotional traits and emotion recognition in children, adolescents, and emerging adults. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, 60 (6), 638–645. doi: 10.1111/jcpp.13018

Myszkowski, N., Storme, M., Zenasni, F. (2016). Order in complexity: How Hans Eysenck brought differential psychology and aesthetics together. *Personality and Individual Differences*, 103, 156–162. doi: 10.1016/j.paid.2016.04.034

Nechaeva, A.A. (2020). Narrative analysis as a method for studying collective memory. *Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvedeniye. (Bulletin of the Russian State Humanitarian University. Series: Philosophy. Sociology. Art Criticism)*, 2 (21), 81–93. doi: 10.28995/2073-6401-2020-2-81-93 (In Russ.).

Orel, V.E., Rukavishnikov, A.A., Senin, I.G. (1998). Experience in adapting the methodology for diagnosing personal characteristics. In V.V. Novikov (Eds.), *Psychological pulse of Yaroslavl: A collection* (pp. 222–233). Yaroslavl. (In Russ.).

Oriental literature. Medieval historical sources of East and West. © 2001–2014. Documents. England. Byzantium. Germany. Russia. France. (Retrieved from <http://www.vostlit.info/Texts/Documenty>) (review date: 22.09.2020). (In Russ.).

Petrenko, V.F. (2009). Intuitionism in historical psychology. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii (Historical Psychology and Sociology of History)*, 2 (1), 28–44. (In Russ.).

Petrenko, V.F. (2018). History construction. *Metodologiya i istoriya psikhologii (Methodology and History of Psychology)*, 1, 15–33. doi: 10.7868/s1819265318010028 (In Russ.).

Petrenko, V.F., Mitina, O.V. (2018). Political psychology: a psychosemantic approach. M.; Chelyabinsk: Sotsium. (In Russ.).

Plutarch. (1990). Table talks. Leningrad: Nauka. (In Russ.).

Roman historians of the IV century. (1997). M.: ROSSPEN. (In Russ.).

Ryzhov, B.N. (2018). Psychological age of civilization: XV century, early Renaissance. *Sistemnaya psikhologiya i sotsiologiya (Systemic Psychology and Sociology)*, 2 (26), 59–68. (In Russ.).

Titus Livius. (1989–1993). History of Rome from the founding of the city. M.: Nauka. (In Russ.).

Zhenin, I.A. (2021). Historical myths and collective memory in space and research practice. *Shagi (Steps)*, 7 (1), 9–28. (In Russ.).

Zhuravlev, A.L., Kitova, D.A. (2020). Socio-psychological analysis of the image of Peter I (based on the materials of the Scientific-electronic). *Psikhologicheskiy zhurnal (Psychological Journal)*, 41 (6), 57–68. doi: 10.31857/s020595920012589-3 (In Russ.).

Статья получена: 30.07.2022;

принята: 02.12.2022;

отредактирована: 02.02.2023.

Received: 30.07.2022;

accepted: 02.12.2022;

revised: 02.02.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Данилова Анна Геннадиевна — старший научный сотрудник Всероссийского института научной и технической информации Российской академии наук, a_g_danilova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3548-372X>

ABOUT AUTHOR

Anna G. Danilova — Senior Researcher, All-Russian Institute of Scientific and Technical Information of the Russian Academy of Sciences, a_g_danilova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3548-372X>